

ЖЕЗРНАЛО

ВЕРЬЮЩИЙ

Литературно-художественный

№ 25.

М а й.

1915 г.

„ВЕРШУЖЫ“

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходитъ по вторникамъ.

Подписная цѣна съ пересылкой:

за годъ за 1/2 г. за 3 м. и за 1 м.
6 р.; 3 р.; 1 р. 75 к. 75 к.

Цѣна номера въ отдѣльн. продажѣ 15 к.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутзацъ.

Редакція—Петроградъ, Воскрес. наб., 26.

Тел. № 410-98. Приемъ ежедн. отъ 3—5 ч.

Контора—Шпалерная, 26. Тел. № 18-68.

Открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. в.

Рукописи, прислан. безъ указанія условій, отбиваются по усмотрѣнію редакціи.

Зав. худ. отдѣл. И. П. Бродскій.

Три Богини спорить стали,
Кто прекраснѣе въ нѣхъ?
Вдругъ

„КАДО“

10 шт. 8 коп.

Споръ классическій затихъ!!!
Ясно, спору помѣшала
Папирочка Шаншала!!!

и вмигъ
удрали!!!

„КРЫМЪ и КАВКАЗЪ“
Литейный, № 21.

Всевозможные любительскіе
табаки, на разныя цѣны.

Въ оригинальныхъ упаковкахъ.

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИКЪ
С. О. ОСЛАНЪ

Художественный аккомпаниментъ.
Разучиваніе оперныхъ партій.

Бронницкая, 19, кв. 19.
Тел. № 505-64

Вышла въ свѣтъ новая книга:

Исидоръ Гуревичъ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Юмористическіе рассказы.

Обложка работы художника Ре-ми.

Цѣна 1 р. 25 к.

Гл. скл. изданія: «Новый Сатириконтъ», Петроградъ,
Невскій, 88.

Того-же автора: «Бархатные когти», юмор. разск.,
ц. 1 р., «Шпы любви», юмор. разск., ц. 1 р. 25 к.

Продаются въ лучш. кн. маг. и кіоскахъ жел. дорогъ.

„Въ Царствѣ Тайны“.

СБОРНИКЪ НОВѢЙШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

А. Конанъ-Дойль: «Умирающій Сыщикъ», «Тайна Воздуха»
и «Местъ Океана». Арт. Морриссонъ: «Призракъ Смерти».
Джэкобсъ: «Пророкъ». Филипотсъ: «Подъ поѣздомъ».
Ришаръ О'Монруа: «Лиловое домино». Робертъ Стивенсонъ:
«Похитители труповъ». Уэльсъ: «Грядущая опасность».
В. Рудинъ: «Тайна флигеля» и «Загадочное объявленіе».

Переводъ РУДИНА.

Цѣна 1 руб.

Изданіе Д. М. ГУТЗАЦА.

Петроградъ, Шпалерная, 26.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ

на общетеатральный журналъ

„Артистическій Міръ“,

выходящій 2 раза въ мѣсяцъ

подъ редакціей известнаго артиста, литератора
и юмориста

А. З. Серполетти.

Имя это ясно говоритъ, что изданіе имѣетъ по своему
помѣщаемому въ немъ матеріалу

захватывающій интересъ.

Тамъ печатаются: романы, повѣсти, рассказы,
сцены и обширная хроника.

Цѣна на годъ съ пересылкой 6 руб.

№ для ознакомленія высылается за 25 коп.
(марками).

Москва, Б. Гнѣзниковскій пер., 7, контора
журнала «Артистическій Міръ».

Редакторъ-издатель А. З. СЕРПОЛЕТТИ.

ЖУРНАЛ
ВЕРШОК

Литературно-художественный

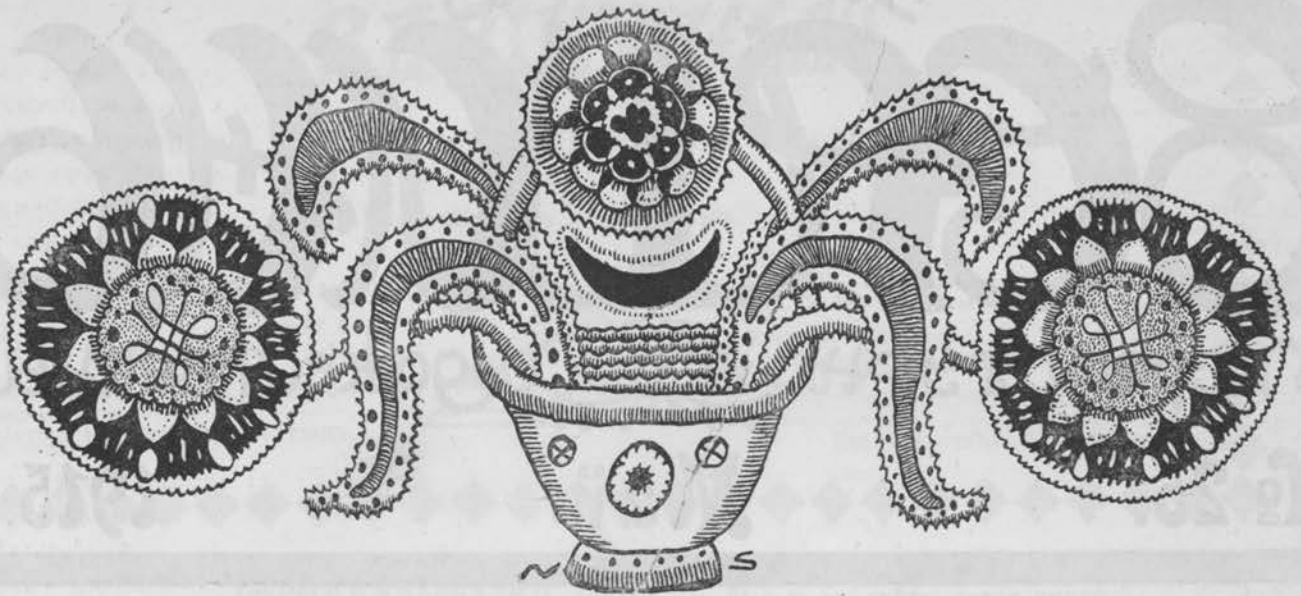
№ 25.

Май.

1915 г.

«Подъ выстрѣлами».

БОЛЬНОЙ.

Въ моемъ бреду одна меня томить
Какихъ-то острыхъ линій безконечность
И непрерывно колоколъ звонить,
Какъ бой часовъ отзванивалъ бы вѣчность.

Мнѣ чудится, что послѣ смерти такъ
Съ мучительной надеждой пробужденья
Глаза вперяются въ пустынный мракъ,
Ища давно знакомыя видѣнья.

Но въ океанѣ первозданной мглы
Нѣтъ голосовъ и нѣтъ травы зеленой,
А только кубы, ромбы и углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О хоть бы сонъ пришелъ ко мнѣ скорбѣй,
Увелъ бы, какъ на праздникъ примиренья,
На желтые пески сѣдыхъ морей
Считать большіе, бурые каменя.

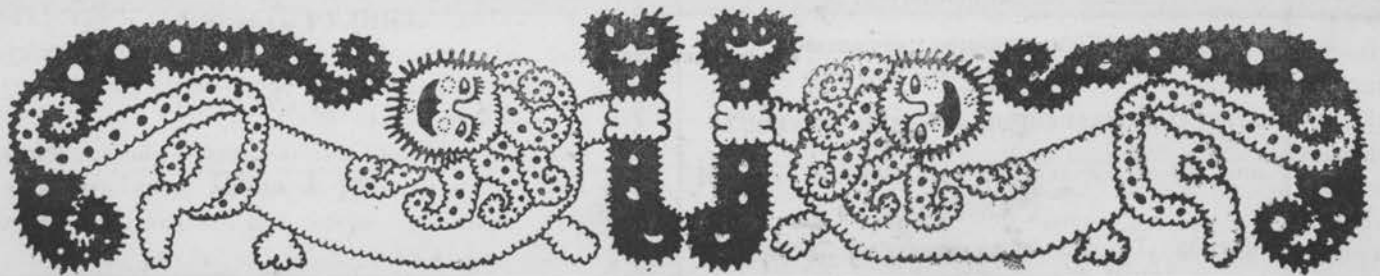
ВОСЬМИСТИШЬЕ.

В. Шилецко. *Ш*

Ни шороха полночныхъ далей,
Ни пѣсенъ, что намъ пѣла мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.

И символъ горняго величья,
Какъ нѣкій благостный завѣтъ,
Высокое косноязычье
Тебѣ даруется, поэтъ.

Н. Гумилевъ.

ЧАСИКИ.

Рима лежала на спинѣ, спрятавъ руки подъ одѣяло, поверхъ котораго были накинаны юбка, пальто, капотъ.

Окно заледенѣло сплошь, снизу такъ даже бѣлой пылью подернулось. Тусклое, медленное сочилось сквозь него утро.

Желѣзная печка, очень шумная и вздорная во время топки—теперь, словно бы нарочно раскрыла свой ротъ, чтобы показать что въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ золы. Стоило сунуть въ него нѣсколько полѣнцевъ и она бы раскраснѣлась, какъ пьяная, а ея нескладно согнутая подъ потолкомъ труба стала бы весело потрескивать, — но послѣдній разговоръ съ хозяйкой кончился совсѣмъ не такъ, какъ ждала того Рима. Эта

толстая, казавшаяся благодушной, старуха такъ раскричалась, наговорила такихъ бранныхъ словъ, что Рима одѣлась и ушла; соображеніе притупилось, не хватало настойчивости, слишкомъ много было потрачено напрасныхъ усилій, чтобы предотвратить грозившую ей нищету и она безъ дѣли бродила по улицамъ, зябла въ осеннемъ пальто, не замѣчая людей, и колючаго вьюжнаго снѣга, а потомъ—вечеръ безъ лампы (хозяйка не дала керосину) и эта печь безъ тепла.

Почти каждый разъ по утрамъ, когда Рима просыпалась, она съ нѣкоторой растерянностью глядѣла на облупившійся умывальникъ, на вылинявшія ситцевыя ширмы, на малиновыя кружечки назойливыхъ обоевъ; узкая комната, такая узкая, что только пройти между стѣной и кроватью, стукъ шаговъ наверху (тамъ съ одной лѣстницы на другую велъ корридоръ), запахъ изъ кухни, пьяное бормотанье сосѣда за дверью, и еще много разныхъ вѣдливыхъ въ сознание неудобствъ, день за днемъ все ощутительнѣе отдаляли отъ Римы ее прошлое: танцовщица въ «Варьетѣ», радостная безпечность успѣха, отъ электричества, духовъ и шелка легкое чувственное слабодіе, быстрыя ночи за столомъ шумнымъ и обильнымъ, шорохъ и укачиванье автомобиля, зажженные

виномъ чьи-то слова, и глаза искренно повторяющіе всегда прекрасную ложь любви, лѣнивое пробужденіе и взбадривающая ванна—все это было еще не такъ давно. И полугода не прошло, какъ Рима повредила ногу—такая ничтожная случайность—уколъ булавки, какъ-то попавшей въ туфлю. Кончилось тѣмъ, что отняли два пальца. Уже въ больницѣ Рима почувствовала себя одинокой, хотя они еще навѣщали ее, эти весельчаки изъ «Варьетѣ», но имъ стало скучно ждать ея выздоровленія, а когда исчезли кольца и автомобиль пришлось смѣнить на трамвай, ей перестали кланяться. Иные письма ихъ и теперь еще пахли духами, а на смятой афишкѣ,

которую она надняхъ нашла въ старомъ портмонѣ, было написано карандашомъ: «Вы сегодня превзошли себя».

Да, она хорошо знала власть утонченно-порочныхъ движеній своего тѣла, знала какъ оно выразительно въ ритмѣ и танцевала такъ же свободно и стремительно, какъ жила.

Обезволенная воспоминаніями, Рима медлила вставать, да и какъ было начать день—опять неизбежный разговоръ съ хозяйкой, опять раздобываніе денегъ и связанные съ этимъ мелкія унижительныя случайности, какіе-то лица, подъѣзды, номера телефоновъ...

Протянула руку за лежавшими на стулѣ часиками, хотѣла взглянуть сколько времени, но другая явилась мысль: можно продать. Разсматривала ихъ и недоумѣвала, какъ это ей раньше не пришло въ голову. Часики были старинныя, серебряныя, а по серебру эмаль, тонкій и сложный узоръ.

— Все равно сколько бы не дали,—рѣшила Рима и, стараясь не думать, не угадывать, какъ это произойдетъ, торопливо одѣвалась, вздрагивая отъ холода.

Удалось уйти не встрѣтившись съ хозяйкой.

Морозъ былъ такой, что перехватывало дыханіе.

Костры на углахъ, слишкомъ золотые и дымные, казались испуганными, морды у лошадей стали какъ обсахаренныя, фонарные столбы, перила у витринъ, вывѣски—вообще все металлическое—поросло бѣлесоватымъ пушкомъ.

Рима держала руки въ карманахъ и въ лѣвой были зажаты часики.

Остановилась у часового магазина, подумала съ тревогой,—а вдругъ не купить, и нервнительно взялась за ручку двери.

Часы, часы и часы—круглые, квадратные, продолговатые и всѣ словно бы завели какой-то безтолковый разговоръ—перебиваютъ другъ друга, не слушаютъ.

Поблескивая качаются маятники, они дѣлаютъ свое дѣло и имъ некогда.

Туда-сюда-вотъ-такъ...

Тикъ такъ и еще такъ...

Сидѣвшій за столомъ противъ окна и что-то починавшій въ будильникѣ, сухой прямоносый старикъ всталъ и подошелъ къ прилавку.

— Вотъ эти часики,—показала Рима,—можетъ вы ихъ купите у меня?

Голосъ ея выдалъ смущеніе и неувѣренность.

Старикъ взялъ со стола лупу и сталъ разглядывать въ нее узоръ на крышкѣ часиковъ.

Рима внимательно слѣдила за выраженіемъ его мутно-сѣраго глаза, который былъ въ эту минуту неподвиженъ, какъ у рыбы.

— Сколько вы за нихъ хотите?

Этого она положительно не знала и совѣмъ уже было лишнее, что въ магазинъ кто-то вошелъ.

— Три рубля желаете?

Риму крайне стѣсняло присутствіе стоявшаго теперь рядомъ съ ней господина, съ располагающимъ умнымъ лицомъ, и она сейчасъ же согласилась, быстро спрятала въ карманъ трехрублевую бумажку и вышла на улицу съ чувствомъ нелѣпаго, неопредѣленнаго стыда.

На углу ее догналъ тотъ господинъ, что былъ въ магазинѣ.

— Простите, что я такъ подхожу—сказалъ онъ, замѣтно затрудняясь,—вы продали ваши часы. Это очень рѣдкая вещь,—я ихъ перекупилъ, но они стоятъ гораздо дороже и мнѣ будетъ неудобно, если вы не получите за нихъ еще.

Глаза его—темные и ласковые—показались ей искренними.

— Зачѣмъ же это.

Ничего другого у нея не нашлось ему сказать а онъ уже доставалъ бумажникъ.

— Я продала не вамъ,—вдругъ рѣшительно противопоставила она:—и вообще это совѣмъ лишнее.

Послѣдніе слова прозвучали очень рѣзко, но онъ былъ настойчивъ, уговаривалъ, упрашивалъ. Потомъ они сидѣли въ кафе и это было такъ по дружески такъ естественно. Въ немъ не замѣчалось ничего, что хоть отчасти могло бы намекнуть на двусмысленность ихъ уличнаго знакомства. Его почти дѣт-

ская ясность была такъ убѣдительно; онъ много рассказывалъ о себѣ легко и просто. Говорилъ, что онъ недавно пріѣхалъ изъ родного города и думаетъ остаться здѣсь,—онъ музыкантъ, играетъ на виолончели, былъ на дняхъ у профессора и тотъ отозвался о его игрѣ съ большой похвалой.

Улыбался и улыбка эта казалась Римѣ давно знакомой; дымокъ папиросы ласково касался его свѣтлыхъ и должно быть мягкихъ усовъ, а на правой рукѣ скромно поблескивало какимъ-то синеватымъ камешкомъ тонкое кольцо.

Изъ кафе онъ проводилъ Риму до дому и записалъ ея адресъ. Въ портмонѣ у нея лежали деньги за часики, можетъ быть и на самомъ дѣлѣ они стоили дорого, но ей все же думалось, что онъ далъ лишнее, это ее обязывало и беспокоило, но увѣренность въ его чистосердечности была сильнѣе, иначе бы она, конечно, не согласилась. То, что допускала раньше, когда танцевала въ «Варьетѣ», теперь оскорбило бы ее. Она вѣдь много поняла съ тѣхъ поръ, очень много...

Онъ обѣщалъ пріѣхать сейчасъ же послѣ концерта. Чтобы не обострять ожиданія, Рима не смотритъ сколько еще осталось времени до его звонка, но они такіе родные ей эти часики, съ нихъ тогда началось и сколько разъ потомъ ихъ вычурныя серебряныя стрѣлки, на желтоватомъ циферблатѣ отмѣчали минуты радостныхъ встрѣчъ. Она заботливо заводила ихъ, и суевѣрно боялась, что если они остановятся, то это будетъ худой примѣтой, счастье хрупко и ломается быстро.

Онъ сталъ часто выступать на концертахъ и она была рада этому—приходилъ къ ней веселый, возбужденный, съ глазами яркими и увѣренными въ ея любви.

Разученныя имъ новыя пьесы игралъ ей первой. Пѣла виолончель и отъ ея глубокихъ звуковъ медлившіе надъ бѣлой Невой палевые вечера, хорошія воспоминанія и его близость—все пріобрѣтало особый, сладостно-грустный смыслъ и мало ли что еще было, что связало ихъ нѣжно и крѣпко, и что потерять казалось равносильнымъ смерти.

Онъ обѣщалъ пріѣхать сейчасъ же послѣ концерта.

Но прошлый разъ его кто-то задержалъ и теперь опять какъ будто.

Рима подходит къ накрытому для ужина столу, поправляетъ въ стеклянной вазѣ цвѣты—ихъ прислали ему вчера и онъ сказалъ, что не знаетъ кто. Розы такъ красны, что кажется изъ нихъ можно выжать кровь.

Рима задумывается, и ея увѣренность въ немъ уже не такая цѣльная, но сейчасъ же успокаиваетъ себя и даже укоряетъ,—у нея нѣтъ основанія его подозревать.

Еще нѣсколько минутъ ожиданія и у Римы является потребность, которая быстро созрѣваетъ въ

Французы—75 милл.

рѣшеніе: взглянуть на часы—опоздалъ больше чѣмъ на полчаса.

Пытаясь угадать, что случилось, Рима ходитъ по комнатѣ, то и дѣло достаетъ изъ-за пояса часики и у нея крѣпнеть увѣренность, что онъ не прѣдетъ совсѣмъ.

Останавливается у окна и смотритъ на улицу: на сѣвѣ лежитъ четкая тѣнь отъ столба электрическаго фонаря и пусто на улицѣ, но сейчасъ изъ-за того угла можетъ показаться извозчикъ и невѣроятно, что его нѣтъ.

Еще разъ Рима взглядываетъ на часики, торопливо одѣвается, сходитъ внизъ на подъѣздъ и звонитъ по телефону...

Ну, да, концертъ кончился.

Рима нѣкоторое время стоитъ въ растерянности. И вдругъ рѣшаетъ, что поѣдетъ къ нему. Дома она его не найдетъ,—это ей ясно, но все же беретъ извозчика, прячетъ лицо въ мѣхъ муфты, потому что на глазахъ слезы и такъ ѣдетъ.

Окна свѣтлѣютъ и его лицо ей кажется все болѣе чужимъ:

— Почему ты не вѣришь?—раздраженно спрашиваетъ онъ.

Рима молчитъ. Онъ солгалъ и упорствуетъ,—это ей ясно; встрѣтилъ своего стараго друга, поѣхалъ къ нему и незамѣтно засидѣлся,—такъ неумѣло солгалъ. Римъ приходятъ на память другіе случаи, когда вотъ также, она знала навѣрное, что ей лгутъ: «снежили всегда и все то же?»

— Рима,—и онъ беретъ ее за руку, но она не хочетъ этого; отходитъ къ дивану и опускается на него серьезная, почти строгая. Облокотившись на шитую темнозеленымъ шелкомъ подушку и подперевъ рукой подбородокъ, отчего губы сжались какъ то очень рѣшительно, она внимательно смотритъ на него и говоритъ, какъ будто спокойно:

— Ты зналъ отъ кого цвѣты и не сказалъ, и теперь то же, зачѣмъ это?

— Ничего я не зналъ и прямо тебѣ удивляюсь, изъ всякихъ пустяковъ создаешь Богъ знаетъ что.

Слова его прозвучали грубо и то, какъ онъ всталъ съ кресла, еще рѣзче ихъ выявило.

— Скучно то,—медленно начала Рима, такъ медленно, словно бы она очень устала,—что я напередъ знаю, что будетъ дальше. Ты говоришь, а я угадываю каждое твое слово, и всѣ вы точно по прописи: и берете, и измѣняете, и ждете,—до гадливости скучно.

— Знаешь ли, мнѣ лучше уйти.

Это было сказано укоряюще—сдержанно. Но она отвѣтила словно бы не ему, а своимъ мыслямъ:

— Да, лучше.

Колыхнулась портьера, которую онъ задвѣлъ уходя; вспыхнулъ свѣтъ въ передней и быстро погасъ; щелкнулъ французскій замокъ.

Рима сидѣла не мѣняя положенія, глядя на неподвижный, вырѣзной листъ пальмы, на который какъ-то попалъ пепелъ его папиросы. То, что онъ ушелъ, сразу все рѣшило; она все-таки не думала, что онъ уйдетъ. И если бы остался, простила бы, но все равно теперь ясно. Этотъ сѣрый кусочекъ пепла остановилъ на себѣ ея вниманіе и кромѣ него да тишины ничего нѣтъ.

Но тишина чѣмъ-то осложняется; Рима прислушивается и соображаетъ, какъ-бы въ трудномъ сѣвѣ, что это тикаютъ часики.

Точно крохотныя дробинки падаютъ одна за другой, ихъ нельзя сосчитать, да и не надо.

Римъ кажется, что небо за окномъ должно быть матовое, такое же, какъ разъ на разсвѣтѣ запомнила она въ саду «Варьетэ», много пила въ ту ночь и ее оскорбилъ антрепренеръ. Скамейка была мокрая отъ

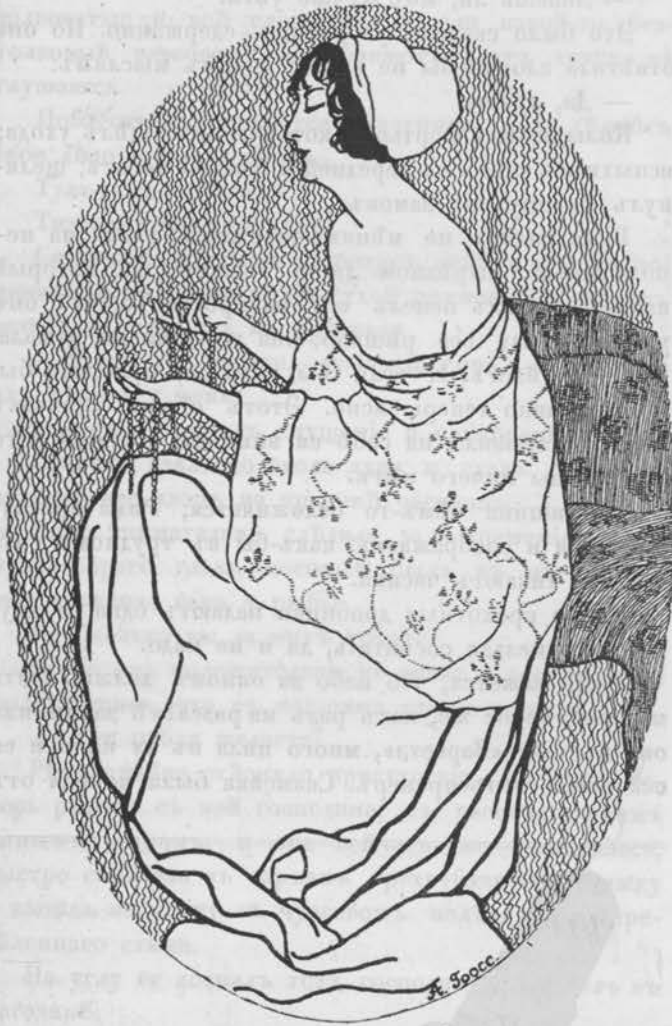

Нѣмцы—42 сант.

уныло моросившаго дождя и прилипло къ ней лиловое шелковое платье. Рима видѣла сквозь обвисшія листья непроницаемую мертвую матовость, только ее и видѣла, какъ теперь пепель,—бѣльмо, а не небо, и было безнадежно...

Рима встаетъ съ дивана, чтобы выпить воды. Что-то хрустнуло подъ ногой и вдавилось въ коверъ,—а, часики!

Александръ Рославлевъ.

ВЕСНОЙ.

Она лежала на кушеткѣ
Лицомъ въ подушкѣ голубой,
И щеку рѣзали браслетки,
Слегка прижатая губой...

Ея изысканныя туфли
Прильнули къ шелковымъ чулкамъ,
А вѣлки красныя распухли
И слезы лились по щекамъ...

Я не посмѣлъ ея утѣшить,
Я разлюбилъ ее давно...
И хохоталъ весенній лѣшій
Въ мое открытое окно.

Н. Оцупъ.

ЕГО УБѢЖДЕНІЯ.

1.

Послѣдніе выборы были окончательнымъ триумфомъ Габріеля. Никогда еще толпа не устраивала ему такихъ восторженныхъ овацій, никогда его имя не было такъ популярно, а его рѣчи ни разу еще не вызывали такого неподдѣльнаго взрыва восторга. Габріель Фарро въ третій разъ сдѣлался депутатомъ. Эта побѣда, конечно, не явилась неожиданной. Парижъ слишкомъ хорошо зналъ Фарро, а предыдущія сессіи создали ему ореолъ истиннаго народнаго трибуна.

Габріель Фарро—соціалистъ. Прямо изъ Сорбонны молодой юристъ попалъ въ редакцію «Грядущаго дня», и съ тѣхъ поръ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ онъ служилъ смѣлымъ идеаламъ своего ученія. Фарро прекрасный ораторъ. Онъ владѣлъ тѣмъ исключительнымъ искусствомъ, которому нельзя выучиться, искусствомъ говорить такъ, чтобы многотысячная толпа—отъ затрапезнаго блузника до лощенаго депутата центра—переживала то, что переживалъ Фарро, вѣрила въ то, во что онъ вѣрилъ, и вся, до одного человѣка, была готова сдѣлать то, что онъ прикажетъ...

Конечно, Фарро былъ въ оппозиціи. И въ какой! Самой крайней, самой непримиримой. Онъ громилъ умѣренный центръ, громилъ нерѣшительность радикаловъ, вышучивалъ патріотизмъ.

Культурный, образованный человѣкъ, художавый, безпомощно близорукій, никогда не разстававшійся съ очками,—со всей своей молодостью, не знавшей спорта и игръ, со всѣмъ своимъ погруженіемъ въ книги, въ науку и проблемы—онъ былъ чуждъ войны, арміи, солдатъ, пестрыхъ мундировъ, марширующихъ людей и большихъ сытыхъ лошадей, которыхъ инстинктивно боялся съ дѣтства.

Габріель Фарро умѣлъ зажигать толпу. И не даромъ нѣсколько лѣтъ назадъ на одномъ банкетѣ Клемансо шутя сказалъ ему:

— Если бы я не зналъ вашу исключительную честность, дорогой мой, я смѣло повѣрилъ бы тому, что говорятъ ваши враги...

— Что же они говорятъ?

— Они говорятъ, что вамъ платятъ изъ Берлина...

— Господинъ министръ, я такъ же люблю Францію, какъ и вы. Но только мы подходимъ къ ней съ разныхъ концовъ. Для меня Франція—это наша наука, это наше искусство. Для васъ—это красные штаны и броненосцы...

2.

Объявленіе войны застало Фарро въ самый разгаръ новаго большого труда. Эту книгу Габріель писалъ уже два года и теперь со дня на день готовился отдать ее въ печать. Въ своемъ новомъ сочиненіи онъ собралъ всѣ свои мысли, онъ выразилъ себя самого, выразилъ все то, чему служилъ пятнадцать лѣтъ, чему поклонялся и во что вѣрилъ. Чуть ли не половина книги была посвящена войнѣ и милитаризму. Нужно было прочитать послѣднюю корректуру и—книга готова.

Прошло нѣсколько дней и издатель получилъ отъ

Габриеля письмо: Фарро писалъ, что не только отказывается издать эту книгу, но онъ сжегъ ее, сжегъ, чтобы никогда не возобновлять.

— Причуды,—думалъ издатель.—Просто увлекся моментомъ. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ пришлетъ мнѣ корректуру. Еще будетъ просить издать поскорѣй...

Но Фарро писалъ правду. Дѣйствительно, онъ уничтожилъ свою книгу. Эти нѣсколько дней, бурныхъ и замѣчательныхъ дней, которые по своей силѣ равняются цѣлымъ десятилѣтіямъ, совершенно измѣнили его, заставили подумать и взглянуть на многое совершенно другими, особенными, раскрытыми глазами.

Анализируя себя самого, Фарро чувствовалъ и понималъ, что несмотря на пятнадцать лѣтъ писаній, рѣчей, митинговъ и парламентскихъ дебатовъ, онъ прежде и больше всего — французъ. И проповѣдь всемірнаго гражданства, проповѣдь уничтоженія государствъ и границъ, это только результатъ мыслей, ума, результатъ науки; но сердце, настоящее подлинное, человѣческое сердце—сердце всѣ эти годы молчало. Для него просто не было мѣста. Жизнь, борьба, которая происходила кругомъ, всѣ эти ученые книги, трактаты и брошюры, все это проходило мимо сердца, миновало его, просто не касалось. И вотъ когда наступилъ моментъ, страшный напряженный моментъ, Габриель понялъ, что онъ такъ же любитъ Францію, какъ самый безграмотный трактирщикъ или самодовольный фабрикантъ.

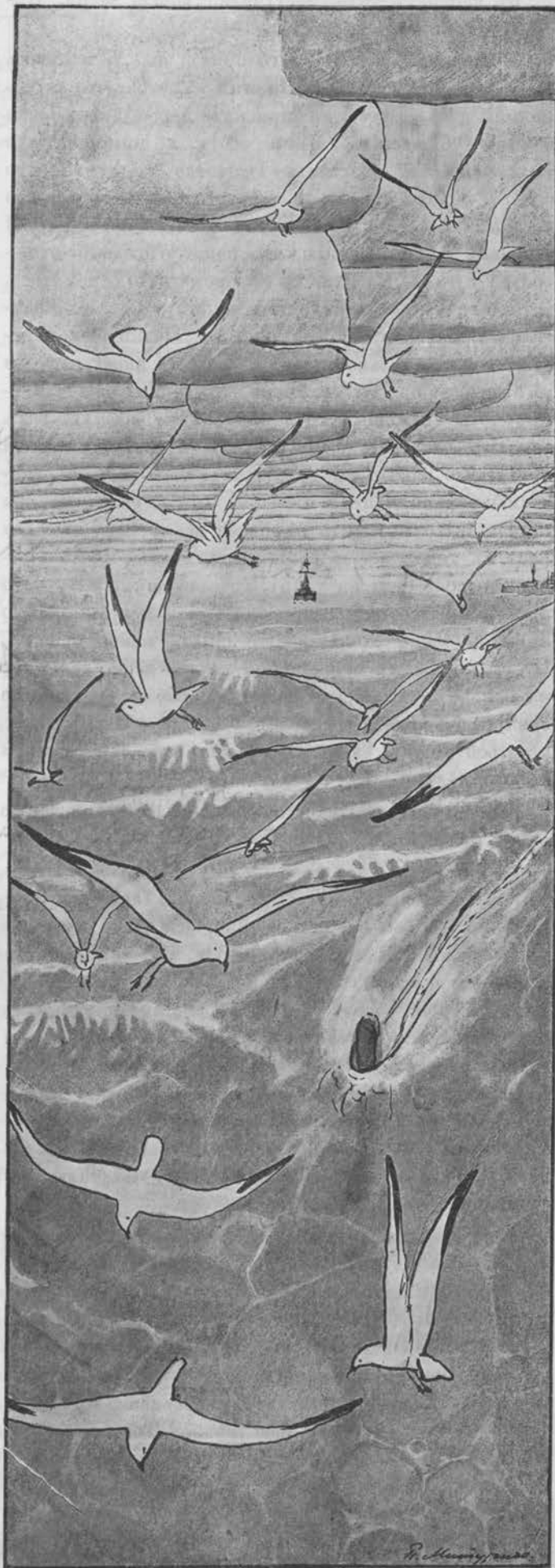
Фарро много думалъ объ этомъ.

— Да... Это такъ... И если когда-либо я думалъ, что это можетъ быть иначе—я ошибался. Сейчасъ мы всѣ равны, мы всѣ хотимъ одного, мы должны хотѣть одного...

И прежніе враги, прежніе противники, казались ему близкими, равными, казались братьями. А когда онъ видѣлъ изъ окна, какъ проходили по улицѣ «красные штаны», которыхъ Фарро такъ громилъ, надъ которыми такъ смѣялся, онъ чувствовалъ, что и они, эти представители «безполезнаго, отжившаго института», они такіе же французы, какъ и онъ...

... Фарро женатъ уже десять лѣтъ. Его жена была настоящимъ другомъ, товарищемъ въ жизни, и въ работѣ. Несмотря на католическій пансіонъ и отда-банкаира, Иветта Фарро сдѣлалась убѣжденной демократкой, и свято вѣрила въ тѣ, правда неясные, правда неоформленные, но прекрасные идеалы, которые проповѣдывалъ мужъ на столбцахъ газетъ, на депутатской трибунѣ или подъ открытымъ небомъ народныхъ митинговъ.

Лѣтній день, жаркій и душный, раскаленный городскимъ камнемъ и духотой миллионновъ людей, близился къ концу. На улицахъ было шумно; въ эти дни никому не сидѣлось дома. Всѣмъ было необходимо выйти на улицу, говорить, слушать, двигаться, узнавать, но только не оставаться наединѣ съ собой. Фарро цѣлый день провелъ на бульварахъ, былъ въ палатѣ, былъ въ редакціи. И теперь сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, усталый отъ суетонокъ цѣлаго дня, отъ разговоровъ

«Перископъ».

Рис. П. Митурича.

и встрѣчь, отъ того гигантскаго подъема, который чувствовался въ каждомъ булыжникѣ мостовой.

Въ кабинетъ тихо постучали; вошла жена. Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Знаешь, Иветта, заговорилъ онъ, — я боюсь быть легкомысленнымъ. Но мнѣ кажется, что сегодняшний день заставилъ многихъ переоцнить себя и свои убѣждения... Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю, что ты хочешь мнѣ возразить. Ты вовсе не думай, что все то, во что вѣрили мы оба столько лѣтъ, все это я забылъ въ нѣсколько часовъ. Ничего подобнаго. Я пришелъ къ заключенію, что наши убѣждения это — только идеаль. Идеаль, къ которому надо стремиться, которому, быть можетъ, суждено стать новымъ Евангелиемъ, новымъ откровеніемъ въ жизни человѣчества. Но это только идеаль... Я опять знаю что ты мнѣ возразишь. Ты скажешь, что мои слова — идемѣрие, ты скажешь, что я проповѣдую идеаль, какъ какое-то сладкое блюдо, что его нужно хранить и прятать до какихъ-то грядущихъ, быть можетъ сказочныхъ дней. Нѣтъ, нѣтъ! Пойми — если мы оба сейчасъ захотимъ быть вѣрными всему тому что для насъ съ тобой всегда было святая святыхъ, что же намъ надо выйти на улицу, говорить, кричать, надо призывать солдатъ, чтобы они бросили оружіе, надо взорвать наши броненосцы, ломать наши пушки?.. Ну скажи, скажи откровенно, скажи какъ говорятъ на исповѣди, ты, ты жена социалиста, ты социалистка сама, ты можешь сейчасъ, сегодня, сію минуту, остаться вѣрной своимъ убѣжденіямъ?.. Ну, скажи, я прошу, я даже требую, скажи...

Иветта молчала, машинально поглаживая кожаную ручку кресла.

— Впрочемъ, ты можешь не говорить. Я знаю, что ты думаешь. Такъ думаю и я... Такъ думаютъ, навѣрное, и всѣ наши... Знаешь, всю свою жизнь я очень мало думалъ о томъ, что я, ты, всѣ мои товарищи по редакціи, всѣ наши депутаты, что всѣ они и мы съ тобой — французы... Раньше, ну ровно недѣлю тому назадъ, это слово вызывало во мнѣ страшный протестъ. Это было символомъ грубаго, неопрытаго патриотизма, барабановъ, маршировки, сантиментальныхъ гравюръ, изображающихъ наполеоновскіе походы. А теперь, теперь все совершенно иное. И это вовсе не измѣна нашему дѣлу. Нисколько! Я социалистъ Фарро, — но я французъ.

Габріель замолчалъ, всталъ съ мѣста, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, и подошелъ къ женѣ.

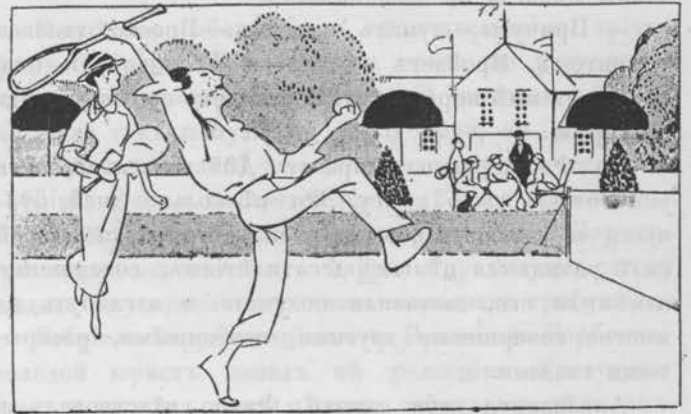
— Но, Иветта, этого мало. Ты думаешь, что я кончилъ, что я изложилъ тебѣ исповѣдь раскаявшагося социалиста, и — конецъ? Нѣтъ, Иветта. Ты можешь юмористически назвать это вступленіемъ, а главное это то, что завтра я отправляюсь въ армію...

— Габріель, но это невозможно! Ты боленъ, ты совершенно не годишься для войны, для похода, для лишеній... Вѣдь ты умрешь черезъ недѣлю, ты не выживешь...

— Глупости!..

— Нѣтъ, нѣтъ, Габріель. Ты не долженъ этого дѣлать. Ты можешь быть полезнымъ арміи и здѣсь

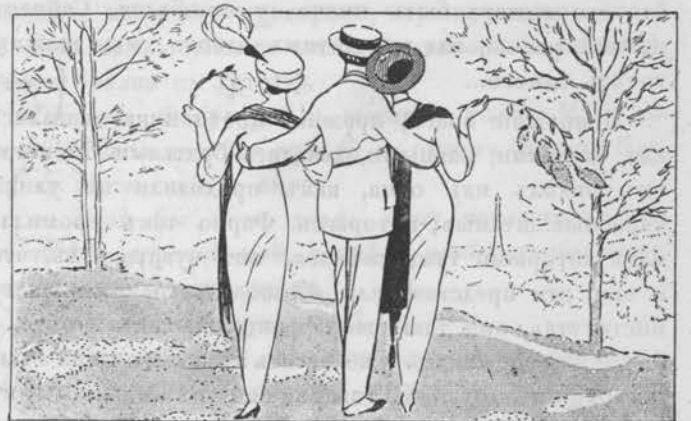
Дневникъ парижанина. Май 1914 г.

Великолѣпная партія въ теннисъ.

... Да чтобы похолодѣе...

Въ гѣсу Сентъ-Клу.

Пикникъ.

Дневникъ того-же парижанина.
Май 1915 г.

Послѣ тенниса ручныя гранаты пустяки

Никогда супъ не былъ такъ вкусенъ, какъ въ окопѣ.

Тоже въ лѣсу.

Летучая почта.

своими статьями, рѣчами, своимъ громаднымъ вліяніемъ на толпу, на рабочихъ... Ну, пойми же! Какой ты солдатъ? Ты—слабый, близорукій, болѣзненный... Ну, право. Ты со своими очками, съ вѣчнымъ кашлемъ... Габріель...

— Конечно, какой-нибудь невѣжественный зуавъ гораздо полезнѣе меня; но все-таки и я нуженъ...

3.

Минутами Габріель чувствовалъ къ женѣ такую бѣшеную злобу, такое неистовое озлобленіе, что ему становилось страшно. Но онъ не могъ бороться съ этимъ. Онъ весь былъ охваченъ этимъ порывомъ—скорѣй, какъ можно скорѣй итти туда, на войну. И вотъ, женщина, которую онъ такъ любитъ, которая любитъ его, мѣшаетъ ему. Она цѣлый день говоритъ о его болѣзняхъ, о его печени, почкахъ, близорукости, насморкѣ, о томъ, что вечеромъ онъ долженъ надѣвать пальто.

— Конечно, я не могу требовать отъ нея какихъ то героическихъ порывовъ, но зачѣмъ, но зачѣмъ все это... Зачѣмъ эти вѣчныя просьбы, разговоры о простудахъ...

И когда Фарро думалъ о томъ, что тамъ гдѣ-то въ двухстахъ-трехстахъ километровъ уже сражаются, умираютъ, а здѣсь Иветта оберегаетъ его покой, заботится о его бронхитѣ, и приводитъ въ порядокъ бібліотеку, онъ положительно ненавидѣлъ ее.

— Они словно всѣ въ заговорѣ противъ меня! И Иветта, и ея братъ, и мой кузенъ. Они обращаются со мной, какъ съ ребенкомъ... Я говорю имъ, что Франція въ опасности, что нужно итти на войну. Понимаете, нужно сражаться, а они, словно сговорившись, твердятъ, что я близорукъ, что у меня очки, что у меня слабое здоровье, и застарѣлый ревматизмъ...

Всѣ эти дни Иветта переживала тяжелыя страданія. Она понимала, что Габріель правъ. Что тотъ, кто вѣритъ во что-нибудь, тотъ долженъ и поступать такъ. Но она сознавала, что это безуміе. Что Габріель не вернется,—и всѣми силами, всей своей любовью старалась удержать его.

И вотъ онъ исчезъ; ушелъ никѣмъ незамѣченный изъ дому, не вернулся къ обѣду, не вернулся къ ужину, не вернулся ночью. И прежде чѣмъ Иветта черезъ нѣсколько дней получила письмо съ военной печатью, она поняла, что Габріель ушелъ. Письмо было отправлено изъ Амьена. Это было нѣсколько строкъ, написанныхъ карандашомъ, очевидно, второпяхъ. Слѣдующее письмо было изъ Реймса, потому письма уже приходили безъ указанія города, съ краснымъ штемпелемъ «Дѣйствующая армія».

4.

... Въ Круазе еще наканунѣ побывали нѣмцы. И весь этотъ чистенькій провинціальный городокъ, съ ровными одноэтажными домами, аккуратно подстриженной зеленью садовъ и стариннымъ соборомъ, въ которомъ, по преданію, молилась Орлеанская Дѣва, теперь преобразился, изрѣшетенный снарядами, зіяющій дырами сожженныхъ домовъ, съ улицами, заваленными

камнемъ и сломанными повозками, съ рощами, превращенными въ обгорѣвшіе пни.

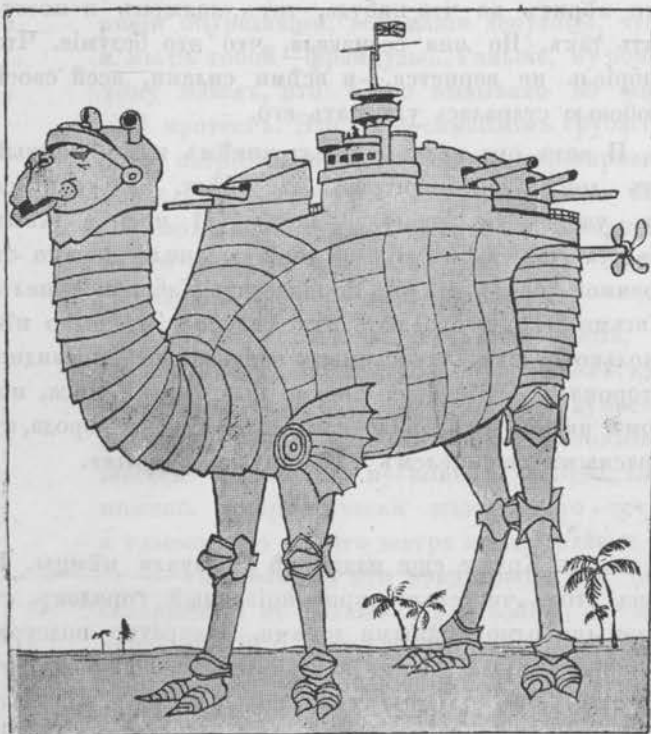
Въ Круазе расположился пѣхотный полкъ. Солдаты и офицеры, какъ попало и гдѣ придется, устраивались на ночлегъ, а вдаль за десять-пятнадцать километровъ шелъ бой, слышались выстрѣлы и однообразный монотонный грохотъ рвущихся снарядовъ.

Габріель вмѣстѣ съ товарищами, расположился въ какомъ-то разрушенномъ домикѣ, безъ оконъ, безъ дверей, съ полусломанной крышей, черезъ которую врывались дѣлые потоки вотъ уже третій день не прекращающагося дождя.

Фарро не былъ еще въ бою. Онъ еще не слышалъ выстрѣловъ, не видѣлъ убитыхъ. До сихъ поръ его полкъ, сформированный большей частью изъ молодыхъ новобранцевъ и необученныхъ добровольцевъ, медленно подвигался къ границѣ, находясь все время въ тылу, и только сегодня Фарро увидѣлъ разрушенные дома, валявшіеся трупы, увидѣлъ войну такой, какова она есть. А завтра—завтра сраженіе. Завтра депутатъ Габріель Фарро будетъ въ бою, будетъ стрѣлять, рубить, убивать и можетъ быть самъ будетъ убитъ...

Многіе изъ товарищей по полку знали Фарро. Да и мудро было не знать популярнаго депутата, рѣчи котораго повторялись и передавались во всей странѣ—одними съ восторгомъ, другими съ ненавистью и возмущеніемъ. Въ его ротѣ было нѣсколько рабочихъ, тѣхъ самыхъ избирателей, которые еще такъ недавно бросали въ урну записки съ его именемъ. И Фарро сразу завоевалъ всеобщее уваженіе. Даже офицеры, которыхъ еще такъ недавно громилъ онъ въ своихъ рѣчахъ, чувствовали къ нему нѣкоторое почтеніе.

Едва брызнули первые лучи теплаго утренняго солнца и разсѣяли ночной сѣрый туманъ, рота была

Дредноутъ пустыни.

выстроена и двинута впередъ. Вдали неумолкалъ грохотъ орудій, по дорогѣ, то тутъ, то тамъ, проносились звенящія пушки, запряженные четверкой лошадей, медленно тянулись печальные фургоны, съ краснымъ крестомъ на грязномъ вылинявшемъ полотнѣ. Чувствовалось, что сраженіе близко. И это сознание близости огня, волновало солдатъ, заставляло ихъ идти быстрѣе, нервными торопливыми шагами...

Рота, въ которой находился Фарро, заняла опушку невысокаго лѣса.

Габріель лежалъ рядомъ съ другими солдатами, стрѣлялъ, заряжалъ ружье и снова стрѣлялъ. Стрѣлялъ куда-то вдаль, въ невидимыхъ, скрытыхъ людей. И только бѣлое облачко, взвивавшееся на противоположномъ концѣ ровнаго, какъ листъ бумаги, широкаго поля, говорило о томъ что это—нѣмцы. Сначала перестрѣлка казалась Габріелю удивительно мирной, какимъ-то ученіемъ, маневрами. Сидятъ и стрѣляютъ. Очевидно, на той сторонѣ тоже сидятъ и тоже стрѣляютъ. Но прошло нѣсколько минутъ и вдругъ лежавшій рядомъ съ Фарро солдатъ, высокой пожилой резервистъ, выпустилъ ружье и тихо застоялъ.

— Раненъ...—быстро пронеслось въ головѣ Габріеля.

Онъ быстро наклонился къ сосѣду, но тотъ уже лежалъ неподвижно, съ широко раскрытыми глазами, сжавшись въ комокъ.

Потомъ стали падать другіе; раненые, убитые, страшно молчаливые или стонущіе. Габріелю казалось, что тѣ, другіе, которые лежатъ на противоположномъ концѣ поля, они невредимы, у нихъ нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ, словно они не люди, а какіе то призраки. А вотъ здѣсь, рядомъ, направо, налево, сзади, впереди, каждую минуту корчатся, падаютъ и умираютъ.

Почему то вспомнилъ онъ свои рѣчи, свои статьи объ ужасахъ войны, о бессмысленности и нелѣпости сраженій, и это показалось ему сейчасъ такимъ фальшивымъ, такимъ книжнымъ. Онъ подумалъ, что даже стыдно вспоминать объ этомъ, что это измѣна, измѣна всѣмъ этимъ людямъ, которыхъ уже убили или ранили...

— Нельзя думать... Не надо думать... Надо стрѣлять, стрѣлять... Больше ничего...

Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Многихъ ранили, многихъ убили, на ихъ мѣсто приходили другіе, а тамъ впереди, все время вспыхивали бѣлыя облачки и мучительно хотѣлось знать,—а что же тамъ; тамъ тоже раненые, тоже убитые, или всѣ эти невидимые стрѣлки неуязвимы, недоступны?..

— Въ атаку,—разнеслось по рядамъ приказаніе командира.

Солдаты вскочили и согнувшись—это было такимъ инстинктивнымъ, такимъ естественнымъ движеніемъ, которое казалось, хоть немного спасетъ отъ свинцоваго дождя,—побѣжали по полю. Въ ту же минуту оттуда, съ противоположной стороны, стрѣльба усилилась, затрещали пулеметы. На мгновеніе въ рядахъ французовъ произошло какое-то за-

«Весной».

Рис. Ж. Барбье.

мѣшательство. Это былъ тотъ моментъ боя, когда солдаты, повинаясь инстинкту самосохраненія, не могутъ пересилить себя, и итти впередъ подъ градомъ пуль.

— Теперь... вотъ теперь я нуженъ,—подумалъ Фарро.—Теперь, больше чѣмъ когда-либо... Нужно сказать имъ. Нужно заставить ихъ пойти...

Онъ бросился впередъ, обернулся и громкимъ голосомъ, какъ бывало говорилъ на митингахъ въ рабочихъ кварталахъ, сказалъ солдатамъ нѣсколько словъ. Фарро никогда не прибѣгалъ къ напыщенному краснорѣчію; онъ всегда говорилъ просто, яснымъ и понятнымъ языкомъ. А теперь, когда вся его рѣчь должна была быть мгновениемъ, секундами, Габріель сказалъ всего нѣсколько словъ. Затѣмъ онъ обернулся въ сторону враговъ и побѣждалъ. Вся рота, какъ одинъ человѣкъ, съ ружьями наперевѣсь, бросилась за нимъ, и побѣжала по взрытому снарядами полю, спотыкаясь, падая, каждую минуту теряя то одного, то другого человѣка...

5.

То, чего ожидалъ Фарро съ такимъ волненіемъ и страхомъ,—случилось. Онъ шелъ въ атаку; сейчасъ ему придется колоть, рубить, придется увидѣть въ лицо—самое ужасное, того самого человѣка, котораго

нужно заколоть. Всѣ книжныя, надуманныя мысли, осознанныя, блестящія теоріи, все это сейчасъ исчезло, куда-то провалилось.

Какъ въ туманѣ мелькнули непріятельскіе окопы, а за ними неясныя задымленныя фигуры людей. Фарро бѣжалъ впередъ всѣхъ.

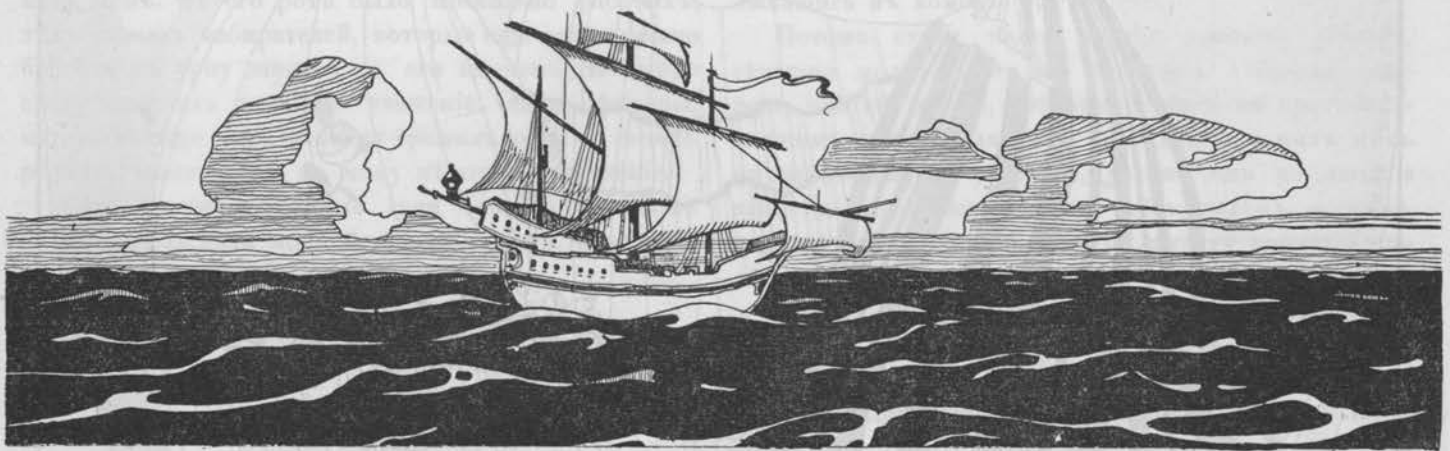
— Вотъ сейчасъ... Я первый... Я первый долженъ буду убить...

И теперь мысль,—что онъ можетъ убить человѣка, можетъ ударить штыкомъ, колоть, рѣзать, кромсать,—эта мысль казалась самой обыкновенной, нужной и необычайно спокойной.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нѣмецкой траншеи, уже почти у самаго бруствера, Фарро почувствовалъ боль въ рукѣ и выпустилъ ружье. Онъ могъ бы подхватить другое,—ихъ много валялось на землѣ,—могъ бы взять у раненаго или убитаго, но не сдѣлалъ этого, и безоружный, съ широко раскрытыми руками рванулся впередъ.

Нѣмцы увидѣли страннаго неловкаго человѣка, на которомъ нелѣпымъ мѣшкомъ сидѣла солдатская форма, безъ фуражки, въ большихъ очкахъ. Онъ бѣжалъ на нихъ безъ ружья, съ раскрытыми руками; почти у самой траншеи зашатался, упалъ и неподвижно растянулъ на землѣ.

Бор. Мирскій.

СКАЗКИ ЖИЗНИ.

ЛЮБОВЬ.

Володѣ было только семь лѣтъ когда онъ влюбился въ первый разъ. «Она» пріѣхала погостить къ его сестренкѣ, сидѣла за столомъ и весело щебетала; ей было четырнадцать лѣтъ и казалось нѣтъ на землѣ ничего прелестнѣе ея, подобной только-что начинающему распускаться бутону чайной розы.

Къ концу обѣда Володя понялъ, что его участь безповоротно рѣшена. Онъ зналъ, что влюбленные всегда женятся; смыслъ этого слова для него былъ не совѣмъ ясенъ, но всегда ассоціировался съ представленіемъ о суетѣ, шумѣ, гостяхъ, церквяхъ, букетахъ и въ довершеніе всего, какъ послѣдній заключительный аккордъ,—желѣзная дорога и отъѣздъ въ Швейцарію или Италію.

Такъ было когда женился дядя Миша и вышла замужъ старшая сестра Зина. Цѣлый день Володя любовался предметомъ своей страсти. Когда вечеромъ его выпроводили, несмотря на протесты, изъ гостиной и уложили спать, онъ заснулъ не сразу. Долго обдумывалъ свое положеніе. Его контрольный аппаратъ работалъ довольно недурно. Онъ понималъ, что жениться ему можно будетъ только тогда, когда у него вырастутъ такіе же усы, какъ у дяди Миши. Съ другой стороны онъ не могъ не видѣть, что между нимъ и «ею» какъ будто слишкомъ замѣтная разница:—«она» уже почти «большая», а онъ еще такой маленькій.

Между тѣмъ Володя чувствовалъ, что жить безъ

нея такъ же невозможно, какъ отказаться навсегда отъ орѣховаго пудди га или катанья съ горь. Головка бѣднаго влюбленнаго лихорадочно работала. Мама и няня вѣчно твердили, что если онъ не будетъ ѣсть супъ, котораго онъ, между прочимъ, терпѣть не можетъ, то никогда не вырастетъ, а навсегда останется ма-

ленькимъ мальчикомъ. И такъ, чѣмъ больше ѣсть супа, тѣмъ скорѣе можно вырасти.

Володя твердо принялъ героическое рѣшеніе—сѣдять ежедневно по три тарелки супа. На этомъ онъ успокоился и заснулъ.

Засыпая шепталъ:—я ее догоню.

— И такъ рѣшено? спросилъ портъ свою возлюбленную, которая, обнимая его и положивъ бѣлокурую головку ему на плечо, сидѣла у него на козляняхъ.

— Да, потому что я люблю,—прошептала она.

— Ты оставишь домъ твоего отца, этотъ огромный облицованный мраморомъ дворецъ, съ дверями обитыми красной мѣдью, съ высокими бронзовыми рѣшетками и крѣпкими запорами, съ ливрейными лакеями, съ обитателями рабами золота—«желтой

распутницы». Тотъ домъ, гдѣ такъ долго—всю жизнь, коверкали твою душу?

— Да, потому что я люблю,—повторила она чуть слышно трепещущими губами.

— И никогда, никогда ты не пожалѣешь о томъ, что лишена богатства, довольства, роскоши, никогда не захочешь вернуться обратно во дворецъ?

— Никогда... я люблю,—повторяла она.

— Мы уйдемъ далеко-далеко и завоюемъ свое

«Атака».

Рис. Б. Штегельманъ.

счастье. Но если я погибну въ борьбѣ, ты похоронишь меня у монастырской ограды, ты одѣнешь черныя одежды и будешь всю жизнь оплакивать меня—твоего поета. Ты будешь убирать безсмертниками мою могилу и до самой смерти орошать ее своими слезами... И никогда, ни одинъ смертный не прильнетъ къ твоимъ дѣтскимъ устамъ, не почувствуетъ шелкъ твоихъ волосъ на своей щекѣ, не проникнетъ въ глубину твоихъ сапфирныхъ глазъ... Да, такъ будетъ?..

— Нѣтъ,—едва дыша пролепетала она.

Поэтъ нахмурился. Но когда онъ взглянулъ въ

ея огромные, синіе глаза съ расширенными зрачками, глаза глубокіе какъ бездна неба, въ нихъ, въ этихъ, вдругъ совершенно потемнѣвшихъ глазахъ, онъ прочиталъ столько муки, столько жгучей тоски и упрека, что ему стало стыдно.

Судорожно сжимая его шею своими маленькими, хрупкими ручками, она прошептала:

— Нѣтъ, потому что я люблю и когда уйдешь въ тотъ міръ ты, уйду за тобой и я.

Г. Вейманъ.

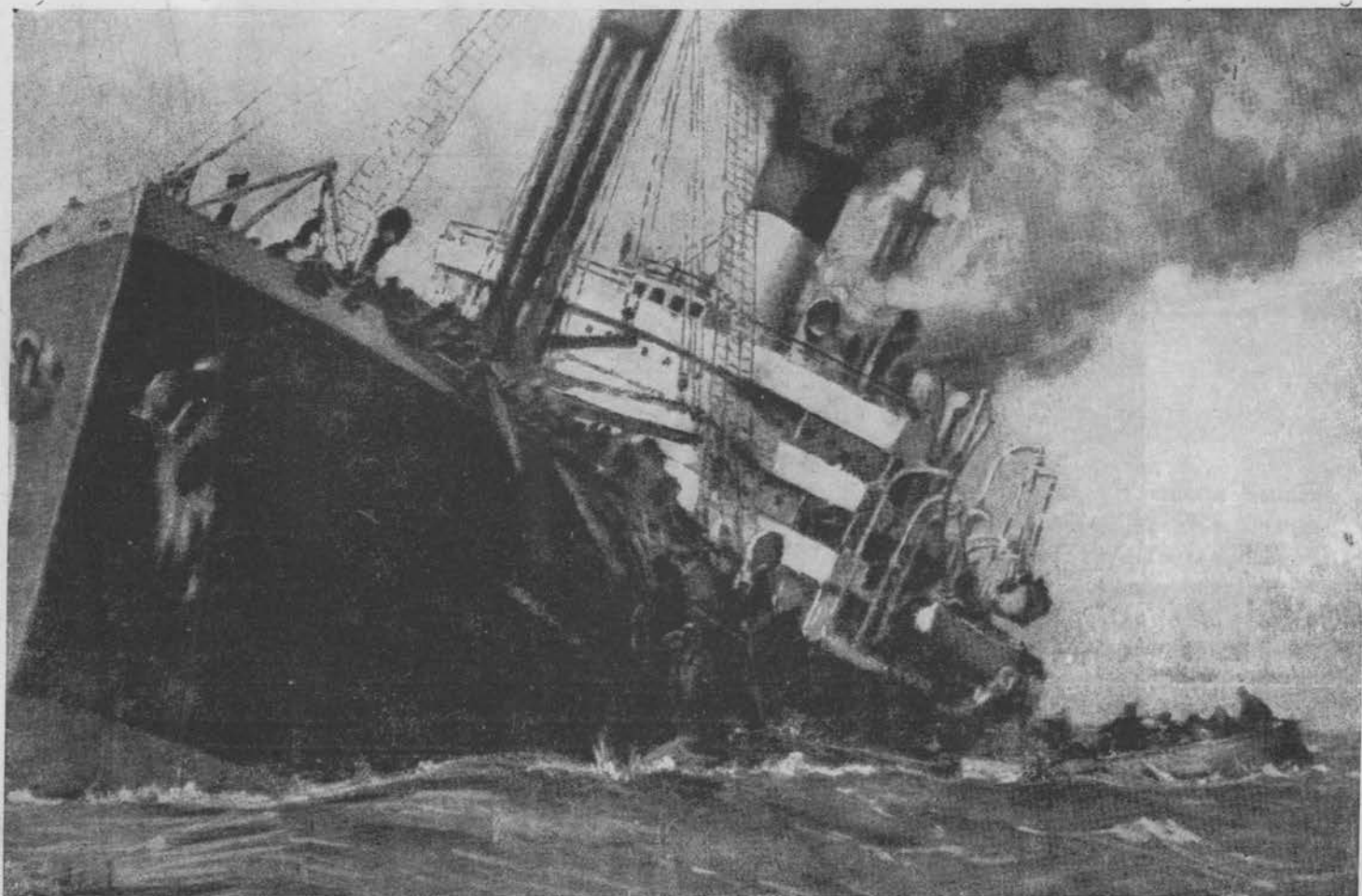
ПРЕДАННЫЙ ДРУГЪ.

РАЗСКАЗЪ Г. СПЕРАНДЕО.

— Я вижу, Карлъ, что ты способенъ разстроить мою свадьбу.

— Но, извини пожалуйста, какого чорта тебѣ не хватаетъ, что ты, женившись, хочешь испытать тысячу несчастій и неприятностей? Ты молодецъ, у тебя есть приличное состояніе и ты свободенъ. Свободенъ уйти куда хочешь и прійти когда хочешь, можешь бѣгать или стоять на одномъ мѣстѣ сколько тебѣ заблагоразсудится и можешь всюду и вездѣ дѣлать то, что тебѣ нравится. Желашь итти въ театръ,

кофейню, клубъ—изволь, иди! Хочешь возвратиться домой лишь на разсвѣтѣ или совсѣмъ не являться домой—сдѣлай себѣ удовольствіе—не возвращайся! Ты свободенъ, свободенъ и еще разъ свободенъ во всемъ: и въ волѣ, и въ капризахъ, и днемъ и ночью, и на Пасху и на Рождество, однимъ словомъ, всегда и во все часы, данные тебѣ Господомъ Богомъ. Но тебѣ какъ видно надоѣло твое счастливое положеніе и ты хочешь такимъ глупымъ образомъ измѣнить свою жизнь и обмѣнить полную свободу на узкую

«Опять нѣмецкая мина»..

семейную жизнь! Это значит отказаться от жизни со всеми ее прелестями для цблага ряда неприятностей: дѣти, нянька, кормилица, доктора, лекарства, упреки жены, если возвратишься послѣ захода солнца, воркотня, если ты хоть немного не точно исполнишь ее волю, а ночи проведенныя за укачиваніем ребенка, а дни...

— Ахъ, Боже мой! довольно, смилуйся, наконецъ...

— Нѣтъ больше ни театровъ, ни кофеенъ, ни клубовъ, ни друзей! Ничего! Полнѣйшая скука! И если случайно тебѣ не будутъ надѣвать крики дѣтей, упреки и воркотня жены, то тебя приметъ въ свои тѣсныя объятія страшная скука. Ужасная, безжалостная, безконечная, какъ вѣчность, скука, которая тебя охватитъ всего вопреки твоему желанію жить. Скука отъ того, что нужно кушать въ одно и то же время изъ одной и той же тарелки. Скука отъ вѣчно однихъ и тѣхъ же вещей и предметовъ, отъ одного и того же вида ихъ. Скука, ужасная скука семейной жизни, которая ляжетъ на тебя страшной тяжестью, заставитъ тебя пожалѣть о потерянной свободѣ, ты захочешь снова имѣть то, чего ты теперь такъ легкомысленно лишаешься. Послушай, ради нашей дружбы, которая насъ связываетъ, ради любви ко мнѣ, если ты меня любишь, ради уваженія, которое я къ тебѣ питаю — отравись, бросься въ море,—но не женись!

— Вотъ видишь, Карлъ, я не обвиняю тебя. Наоборотъ, я первый готовъ кричать, что женитьба скверная вещь. Но у дѣвушки семьдесятъ тысячъ лиръ! семьдесятъ тысячъ лиръ!

— Еще хуже! Тѣмъ хуже!.. Самое скверное при женитьбѣ—приданое. Нѣтъ болѣе скверной, ужасной и позорной вещи! Это то же самое, что продажа или купля собаки или раба, продажа, которая даетъ право

хозяину командовать, повелѣвать, давать ей пинки ногой и посылать ее къ чорту въ любую минуту, какъ только ему вздумается, и которая, въ свою очередь, заставляетъ раба или собаку переносить молчаливо всевозможныя насилія, терпѣливо страдать, не имѣя даже права облегчить душу жалобой. Семьдесятъ тысячъ лиръ! Но я не продалъ бы дня своей молодости и свободы за все золото въ мѣрѣ!

— Я же говорю, что ты способенъ разстроить мою свадьбу, выбросить изъ кармана семьдесятъ тысячъ лиръ и отказаться отъ красивой и доброй дѣвушки.

— Скажи, развѣ у тебя все уже окончательно условлено?

— Почти...

— О, тогда откажись, другъ мой! Немедленно откажись, послушай меня, который тебя любитъ, какъ родного брата. Пошли къ чорту все и пользуйся своей молодостью и свободой.

— Но какой видъ будетъ у меня?

— Видъ въ сто разъ лучшій, конечно, чѣмъ тотъ, который былъ бы у тебя, если бы ты женился, да еще на семидесяти тысячахъ лиръ!

— Ну, я такъ и зналъ, что ты все разрушишь!

— Я спасаю тебя изъ бездны! Помни это и будь по крайней мѣрѣ благодаренъ мнѣ.

.....
Проходятъ дни и мѣсяцы.

Однажды, въ теплый апрѣльскій день Лука встрѣчаетъ свадебную процессію.

Онъ посмотрѣлъ на нее разсвѣннымъ взоромъ и подскочилъ. Всмотрѣвшись пристальнѣе онъ наконецъ понялъ въ чемъ дѣло:

— Да, господа! Карлъ женился на семидесяти тысячахъ лиръ и на доброй, красивой дѣвушкѣ.

Съ итальянск. А. Ш.

ПЕЧАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

Умомъ Россію не понять...

Тютчевъ.

Еще въ прошломъ году Мережковскій читалъ лекціи о Тютчевѣ и Некрасовѣ; теперь обѣ онѣ вышли отдѣльной книжкой одновременно съ его дневникомъ за 1910—1914 г., озаглавленномъ «Было и будетъ». Какъ человекъ чуждый общественности въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, я буду говорить главнымъ образомъ о первой книжкѣ, а дневника коснусь лишь постольку, поскольку онъ касается литературной эволюціи его автора.

Мережковского неоднократно упрекали въ схематичности и преднамѣренности—въ обвиненіяхъ этихъ была доля правды но все искупалось его несомнѣнной, одушевленной любовью къ литературѣ, къ словесному художеству. Мережковского мы любили какъ оригинальнаго и цѣннаго критика, какъ автора зна-

менитой трилогіи. И къ его слову мы привыкли прислушиваться—вѣдь онъ одинъ изъ плеяды давшей намъ Ѳ. Сологуба, А. Блока, А. Ремизова—словомъ тѣхъ, кого мы чтимъ и любимъ какъ словесныхъ художниковъ нашихъ дней. И вотъ онъ, на нашихъ глазахъ, рушитъ прежніе свои кумиры, обращается къ тому, что органически ему чуждо какъ художнику и какъ религіозному мыслителю.

«Толковать Тютчева—превращать алмазъ въ уголь», такъ пишетъ прежній, знакомый намъ Мережковскій, а новый, во имя «рабочихъ будней 60 гг.», «сегодняшней общественности», отрицаетъ любимаго поэта, приравниваетъ очарованіе его поэзіи къ цѣанстому кали и говоритъ со вздохомъ: «Жаль сознательной литературы». Разница, какъ видите, немалая.

Вся бѣла, вся видна при лунѣ
 Церковь старая чудится мнѣ
 И на бѣлой церковной стѣнѣ
 Огражается крестъ одинокій.
 Да! я вижу тебя, Божій домъ!
 Вижу надписи вдоль по карнизу
 И апостола Павла съ мечомъ
 Облаченного въ свѣтлую ризу.

Такъ говорилъ поэтъ Некрасовъ и могутъ ли какія-нибудь инныя строки заслонить намъ эти слова, эту родную, сердцемъ любимую картинку? Во имя схемы, во имя желанія быть инымъ, новымъ, Мережковскій пятитъ насъ назадъ, потому что прошло то время, когда простодушно и крѣпко вѣрили въ обличительное значеніе Некрасова. Въ существѣ самомъ, конечно, не умаленъ Тютчевъ и не возвеличенъ Некрасовъ и тотъ и другой остались все тѣми же. Но голосъ Мережковского смущаетъ многихъ, онъ свѣтъ соблазна среди слабыхъ, колеблющихся душъ—онъ и вправду могутъ повѣрить въ жизненность этихъ построеній.

Сейчасъ Мережковскій очень много говоритъ о жизни, о реальномъ, о тѣлѣ («нельзя утолить душу не утоливъ тѣла») — но тѣмъ дальше отлетаетъ отъ него духъ жизни. «Духъ идѣже хочетъ дышать» — въ какомъ угодно вмѣстилищѣ, но только когда принимаютъ его сердцемъ открыто и просто. А Мережковскій хочетъ подчинить своимъ заданіямъ и жизнь и литературу — поэтому-то онъ такъ много и настойчиво говоритъ о несправедливости.

«Гляжу на прохожихъ и удивляюсь: какіе замушки несчастные! Лица больныя-больныя, сѣро-зеленыя послѣ страшной зимы семимѣсячной, какъ послѣ тюрьмы или голода». Скажите мнѣ гдѣ это происходитъ — въ Верхоянскѣ или Якутскѣ? Нѣтъ это авторъ возвратился сюда, къ намъ, въ Петроградъ, изъ зарубежной повѣдки и хочетъ доказать, что «хуже

мое или лучше другихъ, но навѣрное несчастіе всѣхъ». Въ такую-то страшную и кошунственную форму выливается новая «несправедливость» Мережковского. Во имя чего же онъ топчетъ теперь тѣ цвѣты, которые самъ съ другими насаждалъ?

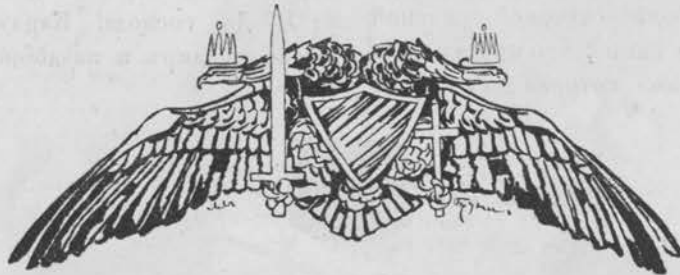
Въ новый станъ общественниковъ Мережковскій приходитъ готовый покаяться и предать анаемъ все свое прошлое — чѣмъ же встрѣчаютъ его тамъ? Откройте дневникъ и прочтите слова Максима Горькаго:

«Богоискательство надо на время отложить — это занятіе бесполезное». Эти слова могутъ быть отвѣтомъ общественниковъ на попытку Мережковского примирить непримиримое.

Въ лекціи о Тютчевѣ Мережковскій утверждалъ, что Тютчевъ, подобно Якову — сыну отца Алексѣя, былъ испорченъ «зеленымъ старичкомъ». Но самъ онъ не замѣтилъ, какъ поддался лукавымъ навѣтамъ духа городскихъ тоскливыхъ сумерокъ, духа суеты и мелочныхъ заботъ. Подъ тихій и упорный нашептъ Мережковскій позабылъ про слово, про красоту, про Россію и ея благодатную, великую Церковь. И тѣ, что знали его раньше, не могутъ теперь распознать въ крикливыхъ и неубѣдительныхъ строкахъ творца «Леонардо». Новыя книги Мережковского слишкомъ пугаютъ, чтобы относиться враждебно къ ихъ автору. Я думаю, что это лишь недолгое увлеченіе и скоро самъ онъ скажетъ, какъ и Некрасовъ:

О юность бѣдная моя!
 Прости меня, смирился я,
 Не помяни мнѣ дерзкихъ грезъ,
 Съ какими, бросивъ край родной,
 Я издѣвался надъ тобой!
 Не помяни мнѣ глупыхъ слезъ,
 Какими плакалъ я не разъ,
 Твоимъ покоемъ тяготясь!

Димитрій Крючковъ.

Содержаніе.

«Больной». «Восьмистишье», стих. — Н. Гумилевъ. «Часики», раз. — Александръ Рославлевъ. «Весной», стих. — Н. Оцупъ. «Его убѣжденія», раз. — Бор. Мирскій. «Сказки жизни». — Г. Вейсманъ. «Преданный другъ», раз. Г. Сперандео, пер. съ итальянскаго А. Ш. «Печальная эволюція». — Димитрій Крючковъ.

На обложкѣ рис. худ. П. Покаржевскаго — «На водопой».

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

Книгоиздательство М. М. ГУТЗАЦА:

Петроградъ, Захарьевская, 9.

Сочиненія А. Воронцаго.

Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картинами въ текстѣ, въ трехъ курсахъ: Курсъ первый—ц. 45 к. Курсъ второй—ц. 45 к. Курсъ третій—ц. 45 к.

Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія въ трехъ частяхъ: Часть первая—ц. 1 р. 35. Часть вторая—ц. 2 р. Часть третья—ц. 1 р. 65 к.

Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Курсъ сред. учеб. заведеній—ц. 85 к.

Сочиненія Н. Пономарева.

Начальная сельскохозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ—ц. 50 к.

„Родная Земля“. Книга для чтенія дома и въ народныхъ училищахъ, въ трехъ выпускахъ: Годъ первый—ц. 20 к. Годъ второй—ц. 40 к. Годъ третій—ц. 50 к.

„Школьная библиотека“. Кустарные промыслы въ Россіи—ц. 30 коп.

Сочиненія Всеволода Флерова.

Новый способъ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ—ц. 25 к.

Подроб. планъ занятій по обуч. грам. Изд. дополн.—ц. 35 к.

Новый русскій букварь для обуч. чтенію и письму «безъ сліянія звуковъ»—ц. 15 к.

Разрѣзныя буквы съ картинками для обученія грамотѣ. На двухъ картонахъ—ц. 40 к.

22 классныя таблицы для обуч. грамотѣ, съ картинками—ц. 1 р. 25 коп.

Ясное утро. Первая книга для чтенія послѣ букваря—ц. 25 к. Вторая книга для класснаго чтенія—ц. 45 к.

Наглядные уроки письма. Пособіе для учащихся. Книжка 1-я. Первые шаги—ц. 20 к.

Наглядные уроки письма. Пособіе для учащихся. Книжка 2-я. Правписание. Для 1 и 2 года обученія—ц. 25 к.

Наглядные уроки письма. Книжка 3-я. Начальная грамматика. Для 3-го года обученія—ц. 25 к.

Изъ жизни дѣтей. Устные и письменныя занятія по художествен. картинкамъ. 4 вып. по 10 картин. Цѣна вып. 10 к.

Тоже на лучшей бумагѣ—цѣна вып. 20 к.

Наглядность письма въ освѣщеніи современной психологіи—ц. 20 к.

Впечатлѣнія дѣтства. По воспоминаніямъ Л. Н. Толстого и Н. И. Пирогова—ц. 35 к.

Свободная диктовка ц. 30 к.

Какъ ненадо учить читать и писать ц. 50 к.

Сочиненія П. Евстафіева.

Древняя Русская Литература (До-Петровскій періодъ). Учеб. для мужск. и женск. инстит., гимн. и учительск. семинарій въ двухъ выпускахъ: 1 вып.—ц. 50 к. 2-й вып. Книжная словесность—ц. 75 к.

Новая Русская Литература (отъ Петра Великаго до настоящ. времени). Учеб. для муж. и жен. инстит., гимн., дух. и учит. семинарій—ц. 1 р. 60 к.

Новая Русская Литература въ отдѣльныхъ очеркахъ замѣчательнѣйшихъ писателей. Учеб. для муж. и жен. инстит., гимн. и педаг. курсовъ. 1-й вып. И. С. Тургеневъ—ц. 75 к.; 2-й в. И. А. Гончаровъ—ц. 50 к.; 3-й в. Графъ Алексѣй Толстой—ц. 50 к.; 4-й в. А. Н. Островскій—ц. 50 к.

Начальныя Основанія Педагогикі—ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія И. Яхонтова.

Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку. Въ двухъ выпускахъ: Вып. первый—ц. 20 к. Вып. второй—ц. 30 к.

Методическое руководство къ «Сборнику письм. упражн.» для учителей и учительницъ нач. школъ—ц. 60 к.

Систематическій курсъ арифметическихъ задачъ и числен. примѣр. Въ двухъ частяхъ: Ч. I—ц. 20 к. Ч. II—ц. 20 к.

Сочиненія Э. Сандомирскаго.

Сборникъ упражненій по арифметикѣ. Задачи, примѣры и др. упраж. для начальной школы, въ двухъ частяхъ: Часть первая—Первая сотня—ц. 15 к. Часть вторая—Цѣлыя числа любой величины—ц. 20 к.

Приложенія для учителя къ обѣмъ частямъ сборника упражненій по арифметикѣ, того-же автора—ц. 25 к.

Сочиненія А. Павлова.

Городская Школа. Книга для клас. чтенія, съ матеріаломъ письмен. упраж. и съ карт. въ текстѣ, примѣненная къ обуч. родному языку въ городскихъ училищахъ, въ 4 частяхъ: Часть первая—ц. 30 к. Часть вторая—ц. 45 к. Часть третья—ц. 75 к. Часть четвертая—ц. 75 к.

Мысль и Слово. Русская Хрестоматія, съ прилож. задачъ и плановъ для письмен. и устныхъ упраж., въ 2-хъ ч. Часть I—для 3-го года обученія—ц. 35 к. Часть II—для 4-го года обученія—ц. 50 к.

Биографіи образцовыхъ русскихъ писателей, съ портретами. Учебное пособие для городскихъ училищъ—ц. 30 к.

„Шагъ за шагомъ“. Книга для класснаго чтенія съ задачами для устн. и письмен. упраж. и съ карт. въ текстѣ, примѣненная къ обуч. родному языку въ нач. училищ. (городск. и сельск.) въ 3-хъ частяхъ: Букварь—ц. 12 к. Часть первая—ц. 30 к. Часть вторая—ц. 40 к. Часть третья—ц. 50 к.

Др. О. Шмейль. Элементарный учебникъ. Естественвѣдѣніи на биологической основѣ. Съ оригин. рисун. худож. Куляя. Пер. съ нѣм. Часть I. Человѣкъ и животныя (зоологія)—80 к. Часть II. Жизнь растений. Ботаника—ц. 80 к.

Естественвѣдѣніе. Методич. бесѣды по начальному естественвѣдѣнію. Для низш. классовъ среднеучеб. завед., въ двухъ частяхъ. Часть первая—ц. 1 р. Часть вторая—ц. 1 р. 10 к.

Методика природовѣдѣнія (элементарнаго курса естественвѣдѣнія). Руковод. для преподават. трехъ младш. классовъ среднеучеб. зав. и город. по Полож. 1872 г., училищъ—ц. 2 р.

„Природа“. Краткій курсъ естественвѣдѣнія, примѣнительно къ дѣйствующей программѣ городск., по Положенію 1872 г., училищъ. Съ рисунками. Въ трехъ частяхъ: Часть I—ц. 50 к. Часть II—ц. 80 к. Часть III—ц. 90 к.

„Начатки естественвѣдѣнія“. — I. Земля, вода и воздухъ. Первоначальное знакомство съ явленіями природы путемъ наблюденія и опытовъ—ц. 50 к. II. Растенія и ихъ жизнь—ц. 50 к. III. Человѣкъ и животныя—ц. 50 к.

„Человѣкъ“. Основы ученія объ устройствѣ человѣческаго тѣла, его отравленіяхъ и здоровьѣ (анатомія, физиологія и гигиена). Съ рис.—ц. 40 к.

Изъ Природы. Бесѣды, рассказы и описанія. Естественно-историческая хрестоматія для класснаго и вѣккласснаго чтенія. Ч. I.—ц. 1 р. Ч. II.—ц. 1 р. Ч. III.—ц. 1 р.

Три царства природы. Книга для чтенія по естественвѣдѣнію—ц. 1 р.

Первые уроки ботаники—ц. 75 к.

Первые уроки зоологіи—ц. 80 к.

Учебникъ ботаники. Морфологія и систематика.—ц. 1 р. Биологическіе очерки о животныхъ. Ч. I. животныя позвоночныя—ц. 80 к.

Сочиненія В. С. Игнатовичъ.

Французская азбука по аналитической системѣ—ц. 60 к.

Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, въ трехъ частяхъ: Часть I—ц. 50 к. Часть II—ц. 60 к. Часть III—ц. 1 р. 50 к.

Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, съ приложеніемъ хрестоматіи и словаря—ц. 2 р.

Систематическій курсъ французской грамматикі—ц. 50 к.

Сочиненія И. Плетенева.

Учебникъ Всеобщей Географіи, составл. примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ—ц. 60 к.

Учебникъ Географіи для городскихъ училищъ. Курсъ 3-го и 4-го года обученія—ц. 50 к.

Учебникъ грамматикі русскаго языка—ц. 60 к.

Какъ научиться рѣшать задачи. Пособіе для учащихся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—ц. 65 к.

Сочиненія Э. Брандта.

Начальныя свѣдѣнія изъ естественной исторіи. Вып. 4-й. Анатомія—ц. 1 р.

Соч. М. Г. Айзенштадтъ и М. И. Дайхесъ.

Нашимъ Дѣтямъ. Хрестоматія на русскомъ языкѣ для еврейскихъ дѣтей, съ портретами писателей и великихъ людей и со снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Въ трехъ частяхъ: Часть первая—ц. 50 к. Часть вторая—ц. 80 к. Часть третья—ц. 1 р. 20 к.

Всѣ книги допущены Ученымъ Комитетомъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

